
ЕРЕВАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО (Конец апреля–начало мая 1919 года)

Видный русский поэт, писатель, публицист, переводчик и общественный деятель Сергей Городецкий (1884 –1967) с апреля 1916 г. до февраля 1917 г. в качестве деятеля Всероссийского союза городов служил на Кавказском фронте – в Западной Армении, затем до середины 1921 г. жил и творил в Закавказье, главным образом в Тифлисе и Баку¹.

Уже ставший свидетелем Геноцида армян в Западной Армении, внимательно следя за происходящими в Армении событиями, ее внутренним и внешним положением, С. Городецкий поднял свой голос во имя справедливой борьбы армянского народа, за его право на существование.

В эти смутные годы С. Городецкий имел возможность также путешествовать по Армении и Грузии. Особого внимания заслуживает его приезд в конце апреля 1919 г. в Ереван по приглашению «Литературно-художественного общества». Прочитанные им здесь лекции явились важным событием в литературно-культурной жизни города.

Надо сказать, что до этого Городецкий непродолжительное время был в Ереване в 1916 г. Впечатление, полученное от города, он в форме заметок напечатал в газете «Русское слово». Из них видно, что картина города очень мало отличалась от того описания, которое мы находим в мемуарах и письмах А. Грибоедова 1819 и 1827 гг., на страницах книги И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения к Российской империи»². Хотя и прошло почти 90 лет со дня присоединения Восточной Армении к России, однако губернский центр основательно не благоустроивался, и на выросшего в Петербурге Городецкого Ереван и ереванцы производят весьма тягостное впечатление. «Если бы основатель города, ванский царь Аргишти, проехал теперь по Эривани, сердце его перевернулось бы. Помойная яма, а не город, – пишет С. Городецкий. – Грязью своей эриванцы гордятся, – она у них не простая, а с запахом: пройти нельзя, на поларшина вязнешь»³.

¹ Об этом подробно см.: А. Закарян. Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916–1921). Ереван, 2015.

² Е. Шахазиз. Старый Ереван. Ереван, 1931, с. 147, 150–173 (на арм. яз).

³ «Армянский вестник» (Москва), 1917, № 1, с. 15.

И вот Городецкий вновь в Ереване, когда город уже стал столицей Республики Армения. Русский поэт приезжает для чтения лекций перед собирающимися из далеких и близких краев страны в Ереване представителями интеллигенции, армянской общественностью, с готовностью разделить страдания народа, собственными глазами увидеть его положение.

25 и 27 апреля в зале Парламента состоялись две лекции С. Городецкого – «Тени Вана» и «Современная армянская лирика».

Как свидетельствует печать того времени, «общественность была очень довольна лекциями Городецкого. Лектора часто прерывали бурными аплодисментами»⁴. Путешествие, начатое с Тифлиса, Городецкий в свое время подробнейшим образом описал в путевых заметках «Путешествие в Эривань»⁵. Так, читаем: «На рассвете 24-го (третий день путешествия) мы выехали из Александрополя и в одиннадцать утра увидели Эривань с ее серым собором, садами и торжественным Араратом. Старик, весь жемчужный, сверкая сквозь кружевные облака, встретил нас приветливо. В его осанке появилось спокойствие, но глубокие думы бороздили морщинами его вековое чело. Мы не посмели беспокоить его божественную нирвану назойливыми расспросами и только помечтали о том, каким интересным могло бы выйти сейчас, – и для нас, и для Европы, – интервью с самим Масисом»⁶.

Во время пребывания в Ереване Городецкий посетил его достопримечательности, побывал в Эчмиадзине, в разных местах встречался со многими собиравшимися в Ереване деятелями культуры, делил их хлопоты, горечи и печали. В этом смысле большой интерес представляют цикл статей Городецкого «Путешествие в Эривань»– «Тише пешего», «Оживающий город» и «№ 35». В них живыми красками обрисовано царящее здесь общественно-политическое положение – борьба партий, будничная атмосфера.

В статье «Оживающий город» поэт описал положение армянского народа весной 1919 г., деятельность правительства на пути преодоления имеющихся в стране трудностей, проблему беженцев. Городецкий пишет: «Губернский городок русской окраины превратился в столицу государства, выходящего к двум морям. Захолустная провинциальная жизнь сменилась лихорадкой строительства. Ведь, если там, в Париже, кроют карту Армении, то здесь, в Эривани, совершают первые шаги ее самостоятельной

⁴ «Жоговурд» (Ереван), 11. V. 1919 (на арм. яз.).

⁵ «Кавказское слово» (Тифлис), 8, 11, 18. V. 1919.

⁶ «Кавказское слово», 8. V. 1919.

жизни. Там замыслы, здесь выполнение, там идеи, здесь факты»⁷. Русский поэт дает весьма оптимистический портрет столицы независимого армянского государства: «Эривань оживает. Внешне она мало изменилась: те же улицы и магазины, та же фланирующая толпа, но ритм движения другой, более деловитый, много новых лиц, нового типа людей, прежде невиданного в Эривани. Везде идет работа, ежедневная, муравьиная, упорная. Бутафории государственного строительства совсем не видно. Никаких декораций, никакой «придворности», все скромно и дельно. Еще у всех в душе только что пережитый тяжелый черный день. И, чтоб ликвидировать его совсем, столица Армении напрягает все силы». Городецкий с удовлетворением отмечает тот факт, что независимая Армения не «порвала» со своим российским прошлым: «... нужно отметить бережную осторожность, с какой относятся армяне к наследству, оставленному им Россией на их территории. Связь с русской культурой ими не порвана и национальное возрождение не поставлено в противоречие с русской традицией».

Публицист отмечает все перемены в жизни армянского общества, трудности, преодолеваемые им на новом этапе жизни: «Республика Армении создается при исключительном положении ее населения. Ее население, как известно, находится в состоянии беженства. Оно в подавляющем большинстве оторвано от своих мест и от регулярной работы. И можно сказать, что беженский вопрос поглощает внимание всего правительства без различия ведомств и министерств. Разместить, накормить, возвратить к хозяйственной жизни население, прокормить и обучить в приютах тысячи сирот, сократить смертность и заболеваемость – для всего этого нужны огромные силы, средства и энергия. ...

Как бы то ни было, в Эривани нет сейчас настроения отчаяния, наоборот, появились некоторые перспективы на улучшение положения. Параллельно с правительственной работой развивается общественная и городская жизнь». Если раньше жизнь ереванцев проходила замкнуто, уединенно, в тиши садов, то теперь поэт отмечает оживление в политической и общественной жизни города, неузнаваемо изменившее облик горожан: «Эриванец решительно потревожен и меняет свои привычки. Раньше жил он в своих садах, в своих уютных старинных домах ... Теперь в этот ... быт ворвались новые звуки. Жизнь стала тревожной и трудной, но и богаче, интересней, содержательней. Политические вопросы захватывают всех, новости разносятся, как по радио. В этом смысле Эривань неузнаваема»⁸, –

⁷ «Кавказское слово», 11. V. 1919.

⁸ Там же.

пишет Городецкий.

В основном о дивных и веселых днях Городецкого в Ереване очерк «№ 35» – по названию армянского сухого вина, любимого горожанами. «Неделя пиров» Городецкого в Армении – вот суть очерка об армянском гостеприимстве. Но не только. Здесь русский поэт констатирует также такое негативное явление времени, как наличие в городе разбойничьих элементов – маузеристов, дает их колоритнейшую зарисовку. «Маузеристы – местная достопримечательность, которой славится Эривань так же, как ишханом, водой, № 35 ... Эриванский маузеризм – махровое явление, в котором можно видеть пережиток нашей недавней жизни, когда война, а вслед за ней анархия потрясли общество, искажая направление юношеской силы. Русские ушкуйники, английские хулиганы – вот явления, параллельные маузеризму. Удадь, молодечество легко вырождаются в озорничество при ненормальной жизни. Надо надеяться, что теперь, когда Армения так нуждается в работниках, мускульная сила и храбрость армянской молодежи получают более правильное применение»⁹. С озабоченностью искреннего друга народа Городецкий предупреждает о тяжелых последствиях маузеризма.

... В очерке Городецкий не удерживается от горестных воспоминаний о Западной Армении. Так, описывая одну из встреч с местными руководителями, в частности, председателем парламента Армении Аветисом Саакяном, который был другом русского поэта по Вану, Городецкий пишет: «Тугое, сладкое вино было прозрачно, как вечернее небо над Ваном, и у нас много было, о чем вспомнилось тепло и грустно. За столом прислуживала девочка из Мамахатуна с печальными глазами и забывшим улыбку лицом. Ее история – одна из многих детских трагедий. Мне передали ее рассказ о пережитых ею ужасах. Детали потрясающие. В минуту избиений и насилий мать созвала всю семью, чтобы проститься. И потом бросилась с детьми в реку. Река не могла унести всех трупов, и один ребенок спасся. Девочка, рассказывающая это, взяла ребенка и понесла с собой. Ей было тяжело. Ее били, когда она пыталась достать для него воды ... Что делалось в душах этих подростков, и сколько их таких, как рассказчица, и кто искупит все эти страдания! Кто вернет улыбку на это навсегда испуганное личико, кто опять научит смеяться скорбные не по-детски уста!»

Наряду с этим он восхищенно пишет о мужестве и нравах сасунцев: «Легендарна была гибель сасунцев. Гордое горное племя. Попав в плен, не принимают пищи и умирают от самоистощения. ... Отстаивая свою жизнь, они зашли на скалу, женщины и богатыри. Перед ними был обрыв в про-

⁹ «Кавказское слово», 18. V. 1919.

пасть. Враг напирал. И когда враг приблизился, они с пеньем песен битвы и смерти, танцующим хороводом, свободно и бесстрашно, бросились в пропасть. Турки были потрясены этим героизмом».

... Для прояснения политической ситуации тогдашней Армении характерны и следующие отрывки из этого очерка. Вместе с Городецким в Ереван приехали и артисты, и как пишет он, «неделя лекций и концертов стала одновременно неделей пиров (подчеркнуто нами – А. З.)». Эти банкеты преследовали политические и дипломатические цели, которые находят многозначительное объяснение у Городецкого: «А банкеты играют сейчас видную роль в эриванской жизни. Постоянная смена европейцев, приезд Пуадэбара, Темберлея, Вуда и еще других, карские торжества, – со всеми этими событиями совпало скромное прибытие нашей богемной тройцы»¹⁰.

Уместно отметить, что и до приезда Городецкого в Ереване проводились еще более пышные банкеты; в частности, весьма роскошным был пир в честь прибывшего 25 марта в Армению с определенной миссией английского генерала Томсона. Описывая последний пир с участием англичан и французов, Городецкий с явной горечью добавляет: «Но веселясь, я вдруг чувствую в себе жуть! Подхожу к окну. Темная ночь. В эриванской комнате Европа. Обыкновенная гостиная, старинный рояль – и европейцы. Это не сон? Это надолго?»¹¹. Здесь речь определенно идет о колониальной политике европейских стран, которые на пролитой крови армянского народа продолжали свой дипломатический торг ...

Словом, можно продолжать перечисление поднятых в этих очерках разнообразных вопросов, проблем, имеющих жизненно важное значение для новосозданного государства, а также предлагаемые решения, однако оставим это на усмотрение читателей.

Отметим лишь, что в сборнике «С. М. Городецкий. Последний крик. Стихи и проза» (Предисл., сост. и ком. И. Сафразбекян. Ереван, 2010, с. 185–187) второй очерк цикла «Путешествие в Эривань» – «Оживающий город» – напечатан без заглавия, с пометкой II, не полностью, а начиная с абзаца «Но можно было начать...».

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

ОЖИВАЮЩИЙ ГОРОД

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Армяне взяли себе красивый флаг: оранжевый, синий и красный цвета дают впечатление свежести и яркости, и когда, садясь в автомобиль, я увидел на нем впервые этот флаг, мне показался он кусочком радуги. Веселый, в малых размерах, он в больших полотнищах, в парламенте имеет торжественный и нарядный вид, напоминая праздничные одежды крестьянок.

Не без любопытства ехал я по Астафьевской.

Губернский городок русской окраины превратился в столицу государства, выходящего к двум морям. Захолустная провинциальная жизнь сменилась лихорадкой строительства. Ведь, если там, в Париже, кроют карту Армении, то здесь, в Эривани, совершают первые шаги ее самостоятельной жизни. Там замыслы, здесь выполнение, там идеи, здесь факты. Как же все это отразилось на городе, хоть и торговом, но идиллически - ленивом?

Кроме того, вспоминались все ужасы, рассказываемые про Эривань, про умирающих от голода людей, про безвыходность положения.

Все это хотелось проверить, увидеть жизнь своими глазами.

И то, что я увидел, можно выразить двумя словами: Эривань оживает.

Внешне она мало изменилась: те же улицы и магазины, та же фланирующая толпа, но ритм движения другой, более деловитый, много новых лиц, нового типа людей, прежде невиданного в Эривани. Везде идет работа, ежедневная, муравьиная, упорная. Бутафории государственного строительства совсем не видно. Никаких декораций, никакой «придворности», все скромно и дельно. Еще у всех в душе только что пережитый тяжелый черный день. И, чтоб ликвидировать его совсем, столица Армении напрягает все силы.

Я очень почувствовал этот деловой тон, войдя в здание парламента. Уютный, скромный зал клуба, маленькие ложи для членов правительства, возвышение на сцене для президиума и два больших флага. Но когда, в этой простой обстановке начинается заседание, речи, борьба партий, зал преобразуется. В том же зале происходили наши концерты и лекции, и в этом была особая интимность. Квестор парламента выступал в спектакле, министр-президент работал в качестве председателя литературно-художественного кружка в кабинете и в присутствии председателя парламента обсуждались театральные вопросы. Это деталь, но очень показательная. Эриванские министры не сидят на тронах. Они доступны населению, они – такие же работники, как все. И в министерствах, расположившихся по большей части в зданиях гимназии, видна подлинная демократичность. Ведь так легко было бы первым министрам новой страны заразиться бюрократической напыщенностью, завести у себя византийские нравы!

Эривань счастливо избежала этого, она стала на работу без позы и кропотливо делает свое трудное дело. И оттого есть надежда, что все трудности будут преодолены.

Их немало.

Республика Армении не получила такого пышного наследства, как ее соседка, Грузия. Если тифлисский административный аппарат, заведенный с царским размахом на всю окраину, представлял какие угодно удобства и возможности для выкраивания из него грузинского государственного аппарата, то ведь в Эривани не было решительно ничего. Все надо было создавать на месте, заново, и тут было два пути перед эриванским правительством.

Можно было бы начертать грандиозные планы государственного механизма и попытаться одеть страну беженцев в порфиру пышной государственности, подобающей Великой Армении, как она рисуется по версальским проектам.

Но можно было начать с маленьких ячеек государственное дело, с неотложных злободневных задач, с черновой работы.

И практический ум армян подсказал им правильное решение стать на второй путь.

Министерства находятся сейчас в периоде организации. Идет распределение работы, разграничение функций. И нужно отметить бережную осторожность, с какой относятся армяне к наследству, оставленному им Россией на их территории. Связь с русской культурой ими не порвана и национальное возрождение не поставлено в противоречие с русской традицией. И хотя есть некоторые признаки того, что Армения тоже может переболеть корью шовинизма, от которой выздоравливает сейчас Грузия, но эта болезнь не может глубоко затронуть организма Армении, даже при наличии посторонних обстоятельств, ей способствующих. Наряду с этим тщательно поддерживаются и все национальные ячейки, могущие стать факторами государственного строительства. Принимая все это во внимание, можно констатировать в эриванской работе хорошие задатки и предсказать ей такие же результаты.

Наряду с этой первой тяжелой задачей налаживания государственного механизма при отсутствии надлежащих условий стоит вторая, еще более трудная.

Республика Армении создается при исключительном положении ее населения.

Ее население, как известно, находится в состоянии беженства. Оно в подавляющем большинстве оторвано от своих мест и от регулярной работы.

И можно сказать, что беженский вопрос поглощает внимание всего правительства без различия ведомств и министерств. Разместить, накормить, возвратить к хозяйственной жизни население, прокормить и обучить в приютах тысячи сирот, сократить смертность и заболеваемость – для всего этого нужны огромные силы, средства и энергия. Еще недавно вопрос этот стоял безвыходно остро. В последнее время дело, как будто, начинает налаживаться. Присоединение Карсской области дало возможность разгрузить Эривань. Сейчас на Арпачае можно видеть картины того, как народ целыми селами переправляется через реку, направляясь домой. И если на местах население будет снабжено, как обещано, хлебом, накопленным в Карсе, положение облегчится значительно.

В самой Эривани беженцев еще много, но не так, как прежде. Если можно еще видеть вокруг базара женщин и детей, вылавливающих из арыка обрывки зелени, которую там мыли, то можно видеть и другие картины: вереницу беженцев, выходящую из очереди перед распределительным пунктом с хлебом в руках. Конечно, эту помощь надо усилить, распространить на уезды, но тут уже правительство бессильно, оно само ждет помощи.

Американцам и англичанам следовало бы оказать ее быстрее. Как бы то ни было, в Эривани нет сейчас настроения отчаяния, наоборот, появились некоторые перспективы на улучшение положения.

Параллельно с правительственной работой развивается общественная и городская жизнь. Кипит партийная борьба, выходят газеты, создается литературно-художественный кружок. Эриванец решительно потревожен и меняет свои привычки. Раньше жил он в своих садах, в своих уютных старинных домах, почти всегда с решетками на окнах. Теперь в этот помещичий быт ворвались новые звуки. Жизнь стала тревожней и трудней, но и богаче, интересней, содержательней. Политические вопросы захватывают всех, новости разносятся, как по радио. В этом смысле Эривань неузнаваема.

№ 35

Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты – так говорят старые английские моряки.

Эривань пьет № 35.

Это нежное, даже вкрадчивое, прежде сухое, теперь ставшее немного сладким (ослащение № 35 – эриванская злоба дня) и сильно пьяное вино.

Был прежде мускат, знаменитый, но его целиком вывезли немцы. И в быт вошел № 35. О нем узнал я еще в поезде. По характеру своему это ви-

но дипломатов, ораторов, годное для банкетов и публичных пиров. А банкеты играют сейчас видную роль в эриванской жизни. Постоянная смена европейцев, приезд Пуадебара, Темберлея, Вуда и еще других, карские торжества, – со всеми этими событиями совпало скромное прибытие нашей богемной троицы. И неделя лекций и концертов стала одновременно неделей пиров.

Надо сказать, что старинное, помещичье гостеприимство живо в Эривани. Кроме официальных банкетов, мы в стольких милых и уютных были приняты домах, что осталось впечатление хлебосольной русской губернии, куда ездило в «старину» к тетушкам откармливаться и отдыхать. Царь пиров, конечно, ишхан. Царица – золотая, маслянистая влага № 35.

Описать все это гостеприимство, саакьянское, егиазаровское, шахназаровское, палиевское, гаспаровское, башинджагианское, тер-исаакьянское, весь этот турнир чурчхел, куличей, катм, тортов, пирогов, варений, домашних коньяков, настоек, пловов, кебабов, чихиртм, все это ишханство, – можно только следуя традициям Гомера и располагая тысячами строк.

Поэтому ограничимся описанием только некоторых или особенно колоритных в бытовом смысле, или имеющих политическое значение оргий – в хорошем смысле этого слова.

На второй же день нашего прибытия нас повели в Хорумбулаг.

Вверх, по нагорным кварталам, где дремлют сады за глинобитными стенами, – совсем, как в Персии, а потом вниз в зеленое ущелье.

Там бурная Занга делает крутой поворот – среди садов и лесов. Картина живописна. На берегу устроился духанщик, перекинул через рукав Занги мостки, на них построил беседки. Наш приход ознаменовался салютом: один из мостков с целой компанией пирующих провалился, все рухнуло, пьяницы оказались по грудь и по горло – в зависимости от роста – в бурном потоке. Момент был не только комичен: если б упала крыша, дело было бы плохо. Спасли положение члены нашей компании: баритон и силач Степа Навасардьян, еще кто-то и Зейлигер (которому чуть было не выдали за это медаль) ухватили столб и держали его, пока все не выкарабкались. Как только они отпустили столб, крыша рухнула.

Сад пестрит замечательными вывесками. Вот одна, во всей ее прелести: «Своим провизом сидеть на столах воспрещается».

Вторая, над стойкой:

«Прошу сперва узнать цену, потом попробовать».

Тут же в Занге ловят белую толстую рыбу, которую и преподносят.

Пока мы бражничали, наверху появилась компания маузеристов и несколько пуль пролетело над нашими головами в Зангу. Маузеристы – местная достопримечательность, которой славится Эривань так же, как ишханом, водой, № 35. На другой же день нам пришлось с ними ознакомиться

ближе. Мы обедали на Астафьевской, и мимо окон прошло четыре милых совершенно пьяных юношей, в рубашках без поясов, с лицами детей - озорников, с маузерами в болтающихся руках. Несколько человек из нас вышли к ним. Изю всех домов тоже выглядывали напуганные, но любопытствующие эриванцы. Степа Навасардьян, пользующийся неоспоримым авторитетом, предложил озорникам спрятать оружие и идти по домам. Они согласились, но обещание не сдержали и на следующем квартале раздался выстрел: они стреляли в офицера, по долгу службы предложившего им разоружиться. Попали около сердца. Собралась толпа, хотела устроить самосуд и камнями размозжить голову убийцы. Офицеры спасли маузеристов от самосуда. Через день комендант Шахатуни извещал о смерти раненого и дне погребения. Весь город был подавлен случившимся, общественное мнение требовало смертной казни.

Эриванский маузеризм – махровое явление, в котором можно видеть пережиток нашей недавней жизни, когда война, а вслед за ней анархия потрясли общество, искажая направление юношеской силы. Русские ушкунники, английские хулиганы – вот явления, параллельные маузеризму. Удаль, молодечество легко вырождаются в озорство при ненормальной жизни. Надо надеяться, что теперь, когда Армения так нуждается в рабочих, мускульная сила и храбрость армянской молодежи получают более правильное применение.

Возвращаюсь к пиршеству на Занге, чтобы упомянуть о зурначах. Особенно мне понравился один – Асо. Толстощекий, с меланхолическими глазами, он дудил с самозабвением настоящего артиста. Послюнив, ему наклеивали на лоб сторублевки – он продолжал дудить, скосив глаза. Яша Геворков и Степа Навасардьян пели «Чайку» и «Маруську». Это был чудесный пир.

Другие пиры проходили совсем в других тонах.

Одним из глубоких по беседам, воспоминаниям и рассказам был вечер 26 апреля, который я провел у Аветиса Ив[ановича] Саакяна, председателя парламента вместе с Рубеном Джамаляном и другими друзьями. Аветис Иванович, мой друг по Вану, был настроен лирически. Как раз в этот день блок дашнакцаканов с народной партией при ушедшей оппозиции вотировал роспуск парламента. Мы собрались после последнего заседания. Тугое, сладкое вино было прозрачно, как вечернее небо над Ваном, и у нас много было, о чем вспомнилось тепло и грустно. За столом прислуживала девочка из Мамахатуна с печальными глазами и забывшим улыбку лицом. Ее история – одна из многих детских трагедий. Мне передали ее рассказ о пережитых ею ужасах. Детали потрясающие. В минуту избиений и насилий мать созвала всю семью, чтобы проститься. И потом бросилась с детьми в реку. Река не могла унести всех трупов, и один ребенок спасся.

Девочка, рассказывающая это, взяла ребенка и понесла с собой. Ей было тяжело. Ее били, когда она пыталась достать для него воды ... Что делалось в душах этих подростков, и сколько их, таких, как рассказчица, и кто искупит все это страдание! Кто вернет улыбку на это навсегда испуганное личико, кто опять научит смеяться скорбные не по-детски уста!

Легендарна была гибель сасунцев. Гордое горное племя. Попав в плен, не принимают пищи и умирают от самоистощения. В любви свобода. Частый развод, никогда обман. Отстаивая свою жизнь, они зашли на скалу, женщины и богатыри. Перед ними был обрыв в пропасть. Враг напирал. И когда враг приблизился, они с пением песен битвы и смерти, танцующим хороводом, свободно и бесстрашно, бросились в пропасть. Турки были потрясены этим геройством.

Это было на горе Кепин, в Сасуне. И была эта бессмертна.

Заговорили о песнях.

Рубен привел красивую песню с Востоана. Вот передача в прозе:

«Арнос–большущая гора. Подобной ей нет. Из-под ее подножья выходят два холодных ручья. Один бежит на юг, другой на север, к холодной Яйле. Бегущий на север, несется к сернам. Летящий к югу, мчит к черным очам и сводчатым бровям. Я вижу черное море и вокруг него белое море. Волны бьются и не смешиваются. Кто видал подобное?»

Это только одна строфа, но как грандиозно в ней описание глаз и как хорош горный пейзаж!

У меня есть список этой песни. Такие отдельные, случайно услышанные жемчужины, показывают, как много сокровищ в народной армянской песне. Сейчас, когда в обществе пробуждается интерес к личности и работе Комитаса, было бы своевременно продолжить его дело на серьезных основаниях. Нужно использовать скопление беженцев из разных областей в центрах, послушать их песни и записать. К сожалению, нет еще организации, которая могла бы взять эту работу на себя. Министерство народного просвещения занято выработкой типа и программ армянской школы, подготовкой открытия новых учебных заведений в городах, устройством публичной библиотеки, арменизацией научной терминологии по всем отраслям, национализацией школ и другими делами и проектами. По-видимому, собрание песен мог бы взять на себя литературно-художественный кружок – и это было бы великой его заслугой – но у него нет еще достаточно сил, и он только начинает свою деятельность. Вот если состоится открытие в Эривани консерватории, и столица Армении обогатится новыми музыкальными и научными силами, тогда этому учреждению было бы весьма уместно обратить внимание и на песню. А то ведь в современных условиях, вместе с разрушением хозяйства и быта, легко может замереть и песня, и многие перлы ее пропадут бесследно. Надо надеяться, что пред-

полагаемый приезд в Эривань исследователя Комитаса, композитора Ф. Гартмана с лекцией и демонстрациями материалов Комитаса привлечет внимание общества, и ядро великого дела будет создано немедленно.

Продолжаю пиршественное повествование. Мне осталось описать еще интернациональный банкет, последний из серии таковых, в которых участвовали европейцы.

В последний день мы собрались у Чарльса. Он оказался поэтом и обещал перевести мои стихи на английский. После виски он бесподобен. Его продолговатое, бледное лицо делается похожим на лицо Пьерро. Он выкидывает уморительные шутки. Показывает фокусы с картами. Карта исчезает у него из рук, и вдруг он вытаскивает ее из-под Пуадебара, – что даже на обветренном и суровом лице месопотамского воина вызывает улыбку. Потом Чарльс приносит походную защитную каску, очень тяжелую, комически напяливает ее. В руках у него электрический фонарь – длинная, толстая штука. Препотешно гримасничает. Наконец, мы едем к французам. Чарльс садится верхом на радиатор, болтает ногами. Во французской миссии настроение торжественное. Великолепный Фома Иванович Назарбеков окружен блестящей молодежью. Но коньяк и бесконечные брудершафты водворяют веселье. После ужина начинаются танцы. Чарльс сидит у меня на коленях, потом мы танцуем мазурку, он за даму. Но веселья, я вдруг чувствую в себе жуть! Подхожу к окну. Темная ночь. В эриванской комнате Европа. Обыкновенная гостиная, старинный рояль – и европейцы. Это не сон? Это надолго? Чарльс чудесен. Но тысяча Чарльсов – кошмар, сказка Гофмана. Европейцы кажутся мне марионетками, Олимпиями в галифэ. И только типичное, родовитое, как будто со старого портрета, лицо Назарбекова, с наблюдательными, слегка усталыми глазами, и вся его по-русски грузная фигура меня успокаивает. Золотая влага льется, не прерываясь. Ночь все чернее и загадочнее. Европейцы все веселее. Чарльс, обнявшись с огромной собакой, спит у Пуадебара в спальне. Мне вспоминается, как накануне, на таком же банкете, я, сказав тост в честь Франции, должен был почтить и Англию, и как я перечисляя доблести английской расы вместо «sage», сказал «sauvage» – досадная оговорка. О, если б Европа действительно была дикой, как дики мы, тогда б не была такой жуткой эта последняя ночь в Эривани!